

Сказочные были старое в новом

А.В. Амфитеатров

Александр Валентинович Амфитеатров

Не всякого жaley (Сказочные были (1904))

Рассказы и статьи, собранные в книжке «Сказочные были», все уже были напечатаны в разных периодических изданиях последних пяти лет и воспроизводятся здесь без перемены или с самыми незначительными редакционными изменениями.

Относительно серии статей «Старое в новом», печатавшейся ранее в «С.-Петербургских ведомостях» (за исключением статьи «Вербы на Западе», помещённой в «Новом времени»), я должен предупредить, что очерки эти — компилятивного характера и представляют собою подготовительный материал к книге «Призраки язычества», о которой я упоминал в предисловии к своей «Святочной книжке» на 1902 год. Поэтому прошу видеть в них не более, как эклектическую попытку изложить в лёгкой форме некоторые старинные народные верования и, отчасти, известнейшие мифологические воззрения на них. Дальнейших претензий, в настоящем своём виде, статьи эти не имеют.

Из остального содержания книги, рассказы «Наполеондер» и «Сибирская легенда» были первоначально

напечатаны в «СПб. ведомостях», «Землетрясение» в «Историческом вестнике», «Морская сказка» и «История одного сумасшествия» в «России», «Не всякого жалей» в «Приазовском крае».

**Не всякого жалеј
(Из фламандских легенд)**

Фламандцы верят, что дьявол женат на царевне-жабе. Однако, она ему вторая жена. Первою была девушка из города Камбре, сирота благородного происхождения, по имени Жанна.

Она была прекрасна собою, невинна, благочестива и доброго, жалостливого сердца. Раздавала щедрую милостыню бедным, кормила голодных, лечила недужных, принимала странных и убогих. Если бы имущества Жанны не охранял строгий опекун, то она давно бы обнищала, потому что не было для неё радости большей, чем помочь ближнему в нужде. Любой встречный горюн мог выпросить у Жанны даже последнюю рубашку с плеч. Слух об её добродетели гремел по всей Фландрии и, наконец, достиг ушей даже чёрта.

Конечно, чёрт не захотел потерпеть, чтобы такая редкостная дева пребывала в чистоте и духовной благодати. Тем более, что благочестивая Жанна обладала даром красноречия, и уже не один закоснелый грешник, послушав её мудрых и кротких бесед, изменил свою жизнь и возвратился с пути дьявольского на

путь Божий. Нечистый окружил Жанну сетью искушений и, как водится, сперва устремился поколебать её целомудрие. Однако, напрасно являлся он ей рыцарем с перьями на шлеме, купцом с полными золотом мешками, королём в сияющей короне, звонкоголосым менестрелем с певучею лютнею в руках. Доблестная Жанна устояла против любовных соблазнов, как добрая крепость, а чёрт сам запутался в своих сетях: влюбился в Жанну по уши и задумал на ней жениться.

Зная, что ни красотою, ни богатством, ни высоким саном, ни прельщениями искусства Жанны ему не покорить, чёрт пустился на новую хитрость — закинул удочку, чтобы поймать красавицу на жалость. Он явился Жанне в настоящем своём виде — чёрный, рогатый, козлоногий, с длинным хвостом, обципаный, смрадный. И сказал:

— Смотри, как я безобразен. Нет на свете существа страшнее и несчастнее меня. А ведь когда-то я был прекраснее всех ангелов, и, если Бог меня простит, опять таким же стану.

И он ломал себе руки, заливался слезами и вопил:

— Все ненавидят меня, все клянут. Подумай: легко ли мне жить таким отвратительным уродом? Ах, если бы я мог раскаяться, перестать делать зло, снова служить Богу и быть добрым ангелом!

Жанна, в безмерной доброте своей, готовая утешать даже чёрта, спросила:

— Если зло стыдно и противно тебе, зачем же ты его творишь?

Чёрт отвечал с отчаянием:

— Ах, я сам себя не понимаю. Поверь мне: я тысячи раз собирался делать добро, но из моих намерений выходили только пакости. Я думаю, что это от моего одиночества. Пойми: я всегда один, никто никогда меня не любил, не жалел, мне не с кем слова перемолвить. Я одичал, ошалел от холостой жизни. Это она родит во мне дурные мысли и толкает меня на развратные дела. Я уверен, что, будь вокруг меня семья, я стал бы совсем иным. Мне нужна жена. Мне не достаёт любящей женской души, которая бы меня направила и поддержала. Ах, Жанна! Я совсем не такой негодяй, как обо мне говорят. Я только не имею никакого характера и дурно воспитан. Но, ес-

ли взять меня в хорошие женские руки, — клянусь: из меня выйдет муж — всем на зависть и удивление.

Так говорили они много раз и, в конце концов, договорились: чёрт сделал Жанне предложение, Жанна согласилась выйти за чёрта замуж. Уж очень льстила ей надежда прекратить в мире всякое зло, обратив на путь истинный самого чёрта. Уж очень жаль было ей, что чёрт такой скверный урод, тогда как стоит ей его полюбить, — и он станет первым красавцем в мире. Потому что она верила в старую пословицу, которая гласит: «кабы дьяволу добрую хозяйку, так он бы беленький был».

Чёрт, с своей стороны, падал перед Жанною на колени, плакал и клялся, что для него настанет новая жизнь, и во век ему не заплатить Жанне за её доброту и благодеяния.

Сыграли свадьбу. Когда гости разошлись, и молодые остались вдвоём, Жанна вынула из кармана книгу благочестивых проповедей и предложила супругу почитать её вслух. Но чёрт страшно наморщил лоб, выпучил глаза и сказал:

— Милый друг, неужели мы женились затем, чтобы изучать богословие даже в свадебную ночь? О спасении души поговорим завтра, а теперь — время любви и наслаждений.

Жанна нашла, что муж не совсем неправ, и отложила проповеди в сторону. А чёрт ночью, когда она спала, встал, книгу украл и забросил в бучило. Так начался, так и потёк их медовый месяц.

Много раз принималась Жанна говорить мужу о Боге, о добре, но чёрт — чем бы её слушать — бросался к ней с объятиями, поцелуями, носил её на руках и визжал при этом на всю преисподнюю.

— О, как ты хороша, когда говоришь! О, как я тебя люблю! какое счастье! какое упоение!

Так что Жанна рассудила сама с собою:

— Должно быть, и в самом деле, ещё не время для проповедей. Бедняжка слишком влюблён и не в силах ни о чём, кроме меня, думать. Он так много и долго страдал, — неудивительно, что его ослепило счастье. Время образумит его, наступят более серьёзные дни, — тогда и поговорим серьёзно.

Медовый месяц прошёл, и чёрт начал часто отлучаться из дома. Когда Жанна выговаривала ему, чёрт возражал:

— Дорогая! неужели ты думаешь, что мне радостно покидать тебя, мою любимую, одну и — вместо того, чтобы глядеть в твои чудные глаза и слушать твои кроткие речи — лететь, в вихре, за тридевять земель, в тридесятое царство? Но у каждого есть свои общественные обязанности. Например, — сегодня должен совершиться решительный бой между Тимуром Хромцом и турецким султаном Баязетом. Суди сама: могу ли я не быть на поле битвы?

Жанна возражала:

— Мне кажется, что с тех пор, как ты решился исправиться и вести добрую жизнь, тебе совсем не следует вмешиваться в подобные истории.

Но у чёрта на каждое слово жены находилось десять.

— И рад бы не вмешиваться, — говорил он, — да нельзя: не смею из человеколюбия. Ты даже вообразить не в состоянии, что это за мерзавцы — Тимур и Баязет. Оставь я их

драться без присмотра, их армии перережут одна другую без остатка. Надо спешить, пока кровь ещё не пролита.

И улетал. А возвратясь, хвастал:

— Вот видишь: Тимур победил Баязета. Не будь меня, он перерезал бы пленных, но я смягчил его сердце, и туркам только выкололи по одному глазу, да отрубили по левой ноге и по правой руке, — а затем в остальном оставили их наслаждаться благом жизни.

— А сам Баязет?

— Тимур хотел отрубить ему голову, но я навёл Хромца на более кроткую мысль: посадить Баязета в железную клетку и возить — показывать по ярмаркам. Чудак не оценил благодеяния и размозжил себе голову о решётку, но это уж его личный каприз, — всякий волен распорядиться своею головою, как желает.

Итак — сегодня чёрт улетал следить, как воюют Тимур с Баязетом. Завтра торопился проверить холеру в Индии.

— Без моего глаза эта ведьма способна умирить всё население. Колдунья не соображает, что бедной стране предстоит выдержать ещё

чуму, чёрную оспу, и два голодных тифа!

Послезавтра мчатся к Везувию — унять расшалившихся саламандр, пламенных горных духов.

— Понимаешь? Озорники направили поток лавы на предместье, полное кабаков — в самый ужин, когда в кабаках тысячи пьяных матросов. Хорошо, что я подоспел вовремя — отвёл лаву на монастырёк, где спасалось всего-то-навсего три старых, безродных, никому ненужных монаха.

Возвращался чёрт домой, усталый, томный, расстроенный. Вздыхал:

— Если бы ты знала каких ужасов я был свидетель!

И снопом валился на кровать.

Жанна понимала, что бедному труженику не до поучений. Если же она, всё-таки, заикалась о них, чёрт кротко улыбался и говорил:

— Голубушка! у меня мигрень: ничего не понимаю, что лепечут твои милые губки. Оставь меня уснуть. Завтра я весь к твоим услугам.

Однажды Жанне выпал удачный день: чёрт потерял подкову с копыта и, покуда куз-

нец ковал ему новую, должен был оставаться дома.

— Ну, — обрадовалась Жанна, — теперь ты принадлежишь мне. Садись к столу, — я расскажу тебе, в чём истинное благо для души, во что надо верить, как надо любить ближнего и Бога.

Чёрт сделал глубокомысленное лицо и сказал:

— Вопросы эти не шутка для меня. Я отношусь к ним страстно и серьёзно. У тебя свои убеждения, у меня свои, — вряд ли нам удастся столкнуться без спора. Ты знаешь мой несчастный характер: в споре я горяч и груб, — расстроюсь сам и тебя расстрою. А тебе вредно волноваться, так как ты носишь под сердцем дитя, и самое важное теперь, чтобы оно было здорово и прекрасно. Тебе известно, как много надежд я возлагаю на то, что у нас будет семья. Ах, что в природе лучше детей и выше семейного начала?

В должный срок Жанна сделалась матерью двух близнецов, — увы! они ничуть не походили на ангелов, чёрные и рогатые, как дьявол, их родитель. Горько плакала Жанна, гля-

дя на них, но чёрт был очень доволен.

— Вылитые в меня! Какая стойкая благородная порода!

Попробовала было Жанна их перекрестить, но чуть занесла благословляющую руку, — чертенята зашипели, как ужи, высунули языки, задымились паром и едва-едва не расточились. А чёрт строго заметил жене:

— Милый друг, нельзя употреблять таких сильных средств. Надо считаться с природою детей. Я не спорю, что намерения твои хороши, — однако, посмотри, ты мало-мало не уморила ребёнка.

Если Жанна ловила чёрта на какой-нибудь подлости и начинала упрекать, он пожимал плечами и снисходительно говорил:

— Да, не спорю, не спорю! Ты права. Это давно известно: я всегда виноват, ты всегда права, — и прекрасно! только успокойся. Не забывай, что ты кормишь детей, и здоровье их дороже мне всех отвлечённых мудрствований на свете.

Так прошло семьдесят семь лет. Жанна одичала в аду, — чёрт всё был чёрт, — преисподняя кишела чертенятами. Ни один ни ли-

цом, ни нравом не походил на мать, все были безобразны, как ночь, и с характером папашки. Едва начиная ходить, они уже увивались в след отцу и помогали ему строить пакости людям. Зло на земле возросло и в силе, и в числе, и поняла, наконец, Жанна, что чёрт надул её во всём и злобно над нею насмеялся.

И приступила она к нему напрямик и неотступно заявила:

— Или исполни, что обещал: будь честен и добр, стань ангелом света, или не хочу больше с тобою жить — отпусти меня на землю, на волю.

Чёрт, которому жена уже порядком надоела за семьдесят семь лет, да к тому же стала и стара, и дурна, — состроил грустное лицо, надул губы, закатил глаза и ответил важно и сухо:

— Семьдесят семь лет я окружал тебя любовью, удобством, богатством. Семьдесят семь лет я работал как вол, чтобы заслужить твою любовь, чтобы создать семью, в которой ты была бы матерью и хозяйкою. Семьдесят семь лет я терпеливо сносил твою оскорбительную привязанность к моим злейшим врагам, ни

разу не показав тебе, как глубоко тяжела мне нравственная рознь между нами. Я всё надеялся, что ты образумишься, поймёшь, к кому обязан привязать тебя долг, кто твой искренний друг и благодетель. Но, видно, — как волка ни корми, он всё глядит в лес. Ты, по-прежнему, с врагами моими и против меня. Ты презираешь меня, ты ненавистница своим делам. Стоило бы — и я в силах — уничтожить тебя. Но я великодушен. Даю тебе свободу, которой ты ждёшь: ступай! Тебе не в чем упрекнуть меня, а я... Э! Да что обо мне толковать? разве мне первому из мужей оставаться с разбитым сердцем?

Так Жанна покинула ад и возвратилась к людям. Родные её все умерли, и, — так как она была стара, безобразна и очень закоптела в адском огне, — то ни одно селение не хотело принять её к себе, считая за ведьму. Гонимая от города с городу, от деревни к деревне, Жанна бродила по Фландрии босыми ногами, в рубище, ела с голода жёлуди в лесу, щавель в поле, падаль во рву за живодёрней. Мальчишки свистали ей вслед, травили собаками, бросали камни. В одно утро бедняжка, в изнемо-

жениии, упала у кельи святого Рене, люттихского анахорета. Она исповедала отшельнику свою несчастную жизнь и, на руках его, отдала Богу душу. Святой же Рене, похоронив тело Жанны на перекрёстке, между двух дубов, воздвиг на могиле камень, с описанием всех бед, в какие повергли Жанну неразумная доброта и дьявольское коварство. Камень этот виден до сих пор близ города Камбре; народ прозвал его «Не всякого жалеи», и на нём отдыхают пилигримы, идя на поклонение Пресвятой Богородице Камбрейской.

А чёрт женился па царевне-жабе и взял в приданое миллион десятин зыбучих трясин, да два миллиона — лягушечьего болота.